

Введение военного положения
в Великом княжестве Финляндском
в проектах российских учреждений
и должностных лиц (1907–1911 гг.)

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены проекты введения военного положения в Великом княжестве Финляндском после окончания первой русской революции в 1907–1911 гг. и дискуссии в правящих верхах по этому вопросу. Анализируются причины, вызывавшие желание бюрократических верхов ввести в Княжестве военное положение. На основании документов из фондов АВПРИ, ГАРФ, РГИА и опубликованных источников делается вывод о том, что введение военного положения связывалось с необходимостью борьбы с российским революционным движением, участники которого активно использовали особенности особого статуса Финляндии, скрываясь от российской полиции и жандармерии. Сравниваются взгляды Николая II, великого князя Николая Николаевича, П.А. Столыпина, А.Ф. Зейна, В.Н. Коковцова на возможность введения военного положения в Финляндии. Их мнения, а также позиция представителей министерств, показывают, что введение военного положения всегда рассматривалось российской стороной как крайняя мера, нежелательный и неэффективный способ государственного управления Великим княжеством. Именно поэтому, несмотря на сложные политические обстоятельства, оно не было введено и официальный Петербург стремился к решению проблем путем переговоров.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, военное положение, Николай II

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Введение военного положения в Великом княжестве Финляндском в проектах российских учреждений и должностных лиц (1907–1911 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 60–72. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-60-72

The introduction of martial law
in the Grand Duchy of Finland
in the projects of Russian institutions
and officials (1907–1911)

Aleksandra Yu. Bakhturina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru*

Abstract. The article considers the projects of the introduction of martial law in the Grand Duchy of Finland after the end of the first Russian Revolution in 1907–1911 and the discussions in the ruling circles on that issue. It analyzes the reasons for the desire of the bureaucratic elite to introduce martial law in the Principality. Based on documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Russian Foreign Ministry, the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive funds and published sources, it is concluded that the introduction of martial law was associated with the need to fight the Russian revolutionary movement, whose participants actively used the Finland's special status when hiding from the Russian police and gendarmerie. A comparison is made of the positions of Nicholas II, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, P.A. Stolypin, A.F. Zein, V.N. Kokovtsov regarding the possibility of martial law in Finland. Their views, as well as the position of representatives of the ministries, show that the imposition of martial law has always been considered by the Russian side as an extreme measure, an undesirable and ineffective way of governing the Grand Duchy. That is why, despite the difficult political circumstances, it was not introduced and official St. Petersburg sought to resolve issues through negotiations.

Keywords: The Grand Duchy of Finland, P.A. Stolypin, V.N. Kokovtsov, martial law, Nicholas II

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2024), "The introduction of martial law in the Grand Duchy of Finland in the projects of Russian institutions and officials (1907–1911)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relationships" Series*, no. 1, pp. 60–72, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-60-72

Введение

Взаимоотношения имперского правительства с Великим княжеством Финляндским существенно осложнились с началом первой русской революции. Революционное движение в России и активизация левых сил в Финляндии, с точки зрения власти, представляли

серьезную опасность для государства. Защищенность российских революционеров от полицейской власти и антиправительственная деятельность финляндской радикальной организации «Войма» вызывали особое беспокойство российских властей и официального Петербурга. В отечественной историографии российское и финляндское революционное движение долгое время рассматривалась в контексте истории деятельности партии большевиков [Дашков 1980; Коронен 1983] в позитивном ключе. В последние годы стало анализироваться его дестабилизирующее влияние на политическую ситуацию, государственную безопасность в Петербурге и России в целом [Бахтурина 2009; Мусаев 2004]. Зарубежная, особенно современная финляндская, историография не обходит вниманием этот сюжет, но крайне осторожно подходит к оценке деятельности левых политических сил в Финляндии, ограничиваясь или констатацией факта их деятельности или полностью отрицая ее антиправительственную составляющую [Клинге 2005, с. 491–492; Куяла 2010; Юссилла, Хентилля, Невакиви 2010; Luntinen 1997]. В этом контексте представляют несомненный интерес действия Совета министров, министерств, государственных деятелей и отдельных должностных лиц, направленные на стабилизацию ситуации, включая неоднократные попытки введения военного положения в Великом княжестве Финляндском в 1907–1911 гг.

Революционное движение в Выборгской губернии и проект введения военного положения в 1907 г.

В годы первой русской революции радикальные политические силы Российской империи и Финляндии объединялись против общего врага – самодержавия. На территории Финляндии находили убежище представители различных политических партий, преследуемые российской полицией. Был организован переезд нелегалов через Финляндию в Швецию. По воспоминаниям А.Ф. Нуортевы, «мы располагали официальными печатями многих русских губернских учреждений, настоящими бланками документов» для того, чтобы обеспечить революционеров иностранными паспортами¹. Но наиболее ярко проблема проявилась в восстаниях 30 июля – 2 августа 1906 г. в Свеаборгской крепости и матросов Скаутденского полуострова, поддержанных финляндскими рабочими и финляндской Красной гвардией. Объединение российского и финляндского антиправительственного движения было крайне

¹ Ленин в воспоминаниях финнов. М.: Политиздат, 1979. С. 49.

опасным явлением и, по мнению российского министерства внутренних дел, требовало немедленного расширения прав российской полиции и жандармерии в княжестве, а также ограничения ввоза оружия в Финляндию, что в середине 1906 г. представляло серьезную проблему. 24 августа императорским высочайшим повелением был запрещен на один год ввоз в Финляндию нарезных ружей, револьверов и пистолетов². Вступив на пост премьер-министра, П.А. Столыпин и подчиненное ему Министерство внутренних дел (МВД) вели длительные переговоры с финляндским Сенатом, добиваясь официальной поддержки действий российской полиции на финляндской территории. В итоге был издан циркуляр гражданской экспедиции Сената от 4 ноября 1906 г. о порядке обысков, арестов и выдачи революционеров российским властям, которым финляндская полиция обязывалась по указанию российской обыскивать или арестовывать российских подданных. Но, по мнению премьер-министра, практического значения циркуляр не имел [Бахтурина 2009].

В марте 1907 г. прошли выборы в финляндский Сейм на основе нового сеймового устава 1906 г., по итогам которых большинство мест получили социал-демократы. Наряду с победой социал-демократов в Сейме усилились позиции шведской и младофинской партий. Победа блока конституционалистов и младофиннов, по оценкам российского Генерального штаба, подталкивала Сейм к активным действиям. По агентурным данным Генерального штаба, представители младофиннов заявляли о необходимости соединить усилия с российской оппозицией, чтобы «воспользоваться» ее силами «для достижения своих личных целей»³. Помимо радикализации Сейма после выборов были и иные проблемы, в том числе наличие существенных запасов оружия на финляндской территории. Хотя по агентурным данным, благодаря введенным в августе 1906 г. запретам, ввоз оружия из-за границы был прекращен, но оставались значительные запасы оружия, например, в Таммерфорсе, вплоть до тяжелых орудий⁴. Все это весьма осложнило российско-финляндские отношения.

30 января 1907 г. Николай II назначил заседание совещания для обсуждения мер в отношении Финляндии. В разработке этих мер приняли участие различные российские ведомства. Члены специально образованной межведомственной комиссии под предсе-

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1906. Т. 26. № 28 267. С. 823.

³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 257. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 10.

дательством контр-адмирала И.Ф. Бострема предложили ряд мер, направленных на прекращение ввоза оружия через Финляндию и активность российских революционных деятелей. Одним способом для решения проблемы члены комиссии считали возможным закрытие финляндских портов. И если сама идея не вызвала принципиальных возражений, то правовое обоснование таких действий требовалось. Члены комиссии предложили два варианта. Первый – ввести в Финляндии действие правил о местностях, состоящих на военном положении, и на этом основании закрыть порты. Вторым вариантом был предложен МИД. Его представители считали, что особый статус Финляндии не дает оснований для подобных действий и с правовой точки зрения необходимо объявить Финляндию воюющей стороной и получить максимальную свободу действий [Бахтурина 2009]. Варианты комиссии Бострема и МИДа были рассмотрены в начале февраля 1907 г. на совещании в присутствии Николая II⁵. Император и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич сразу отвергли предложения МИДа «по моральным соображениям»⁶. В итоге участники совещания решили, что автономный статус Великого княжества не является препятствием для введения военного положения.

Наиболее проблемной территорией была признана Выборгская губерния. Именно там, в непосредственной близости от столицы, действовали российские революционеры и именно там они оказывались вне досягаемости царской полиции. Именно там проводились нелегальные встречи представителей российской оппозиции и скрывались от преследований революционные деятели. Поэтому в начале 1907 г. решение о введении военного положения в Финляндии носило локальный характер и должно было затронуть только эту территорию. Несмотря на принятое решение, царское правительство к активным действиям не перешло, пытаясь вести переговоры с финляндской администрацией. В июле 1907 г. были продлены ограничения на ввоз оружия в Финляндию, введенные в 1906 г.⁷ Также не исключалась возможность сотрудничества с местной финляндской администрацией. С января 1908 г. должно было увеличиться жалование коронных ленсманов⁸. Но в ноябре

⁵Переписка Николая II и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 107.

⁶АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 278/279. Л. 2–4.

⁷Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1907. Т. 27. № 29 428. С. 473.

⁸Там же. № 29 429. С. 474.

1907 г. Особое совещание вновь вернулось к обсуждению этого вопроса. Мнения его членов разделились. Часть из них считала, что достаточно расширить полномочия чинов Отдельного корпуса жандармов, но большинство настаивало на том, что без объявления Выборгской губернии на военном положении эта мера ничего не даст. Переписка Николая II и Столыпина по этому вопросу весьма определенно указывает на то, что предложения по введению военного положения выдвинул именно премьер-министр. 9 ноября император написал ему, что «с предположениями Вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен»⁹. Планируемые мероприятия включали не только введение военного положения в Выборгской губернии, но и назначение выборгского военного генерал-губернатора. Николай II поручил Столыпину разработать текст указа и правительственного сообщения, «в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении»¹⁰, главной целью которого должно было стать проведение массовых арестов российских революционных деятелей, «свивших», по выражению Столыпина, «революционное гнездо» под Петербургом¹¹. По воспоминаниям начальника дворцовой охранной агентуры А.И. Спиридовича, в 1907 г. центр одной из боевых организаций эсеровской партии находился в Финляндии, где «в полной безопасности от русских властей зарождались, обсуждались и разрабатывались грандиозные террористические акты... оттуда совершались налеты на Петроград и поражали власть своею смелостью и неожиданностью»¹². Одновременно было принято решение об отставке либерального финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда.

Информация о готовящемся введении военного положения распространилась невероятно быстро. На следующий день, 10 ноября, Столыпин сообщил Николаю II о том, что «революционеры осведомлены о решении, касающемся Выборгской губернии, вследствие чего часть их уже выехала оттуда»¹³. Николай II с сожалением ответил: «Какая неприятная досада, что приходится откладывать решенное крупное дело. Не понимаю, каким образом могли разгла-

⁹ Переписка Николая II и П.А. Столыпина... С. 115.

¹⁰ Там же.

¹¹ Красный архив. 1924. № 5. С. 115.

¹² *Спиридович А.И.* Революционное движение в России: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 358–359.

¹³ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920: Сборник документов / Сост. М.В. Зеленов, П. Хакала. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2021. С. 793.

ситься слухи? Неужели наша русская болтливость?»¹⁴ Столыпин считал, что болтливость тут ни при чем, скорее, оказалось невозможным скрыть военные приготовления. Он предложил отложить «всю операцию на несколько недель, дабы дать революции вновь осесть в Выборгской губернии»¹⁵. За это время Столыпин предлагал довести подготовку военного положения до конца, но «затем приостановиться и дать окончательный сигнал через несколько недель, когда революционеры успокоятся»¹⁶. Николай II согласился.

Дальнейшие действия Столыпина достаточно убедительно свидетельствовали о том, что крайних мер стремились избежать. Возобновились переговоры Столыпина с министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофом о правах российской полиции и жандармерии. 22 декабря 1907 г. премьер-министр встретился с Герардом и Лангофом. Во время встречи, ссылаясь на Николая II, Столыпин заявил, что в случае дальнейшего неподчинения финнов решено действовать военной силой. Итоги встречи премьер подвел так: «По-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы», «дело принимает удовлетворительный оборот»¹⁷. Российской полиции удалось арестовать руководителя эсеровского боевого отряда в Финляндии А.Д. Трауберга и других ее членов¹⁸. Это ослабило революционную активность и военное положение в Выборгской губернии введено не было, но Николай II распорядился установить по границам Финляндии военный кордон.

*Кризис исполнительной власти
в Великом княжестве Финляндском
и возобновление дискуссий о военном положении*

В 1905–1906 гг. было отменено или приостановлено действие законов, ограничивавших финляндскую автономию. При этом наибольшую сложность представлял вопрос об организации законодательного процесса. Отказ от положений манифеста 1899 г., обеспечивавших распространение общегосударственного законодательства на Великое княжество Финляндское, подводил к

¹⁴ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 116.

¹⁵ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920... С. 793.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Из переписки П.А. Столыпина и Николая Романова // Красный архив. 1928. № 5. С. 81.

¹⁸ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 363.

необходимости восстановить старую практику административного законодательства. В 1908 г. царское правительство предприняло попытку вернуться к практике согласования общеимперских и финляндских законов в административном порядке при помощи договоренностей между императором, финляндским Сеймом и Сенатом. Но, поскольку одним из итогов первой русской революции стал стабильный рост влияния социал-демократов в финляндском Сейме, возвращение к практике административных соглашений в 1908 г. было затруднено. Потенциально это было возможно только при наличии компромиссного соглашения царского правительства с представителями крупных финляндских политических партий.

В январе 1908 г. старофинны – представители правого крыла старофинской партии – попытались вернуть себе утраченное политическое положение при помощи российского правительства. Один из видных старофиннов Ю.Р. Даниельсон-Кальмари посетил помощника финляндского генерал-губернатора А.Ф. Зейна. По итогам состоявшегося разговора Зейн представил Столыпину записку, где писал, что старофинская партия готова вступить в открытую борьбу со шведской народной партией. Они рассчитывали на помощь правительства Столыпина в смене состава финляндского Сената. В связи с этим Зейн составил список требований к старофиннам в обмен на поддержку российского правительства, в том числе старофинны должны были гарантировать отстранение Сейма от решения важнейших общегосударственных вопросов и принять меры против революционного движения в крае¹⁹. Но предложения Зейна остались без ответа.

Идея возможного соглашения с российским правительством была не чужда и представителям конституционалистов. В начале 1908 г. финляндская печать пропагандировала идею смешанной «русско-финляндской конференции», указывая, что это лучший путь для упорядочения отношений.

Возвращение к практике административного законодательства затруднялось не только положением финляндской стороны. Создание Совета министров, Государственной думы и реформирование Государственного совета требовало распространения компетенции этих органов на финляндский законодательный процесс. 20 мая (2 июня) 1908 г. был издан закон «о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи»²⁰, согласно которому все финляндские дела, до доклада их императору, подлежали

¹⁹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–5об.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1908. Т. 28. № 30 379. С. 267–268.

рассмотрению в Совете министров. Основную проблему составлял вопрос об определении границы между общеимперским и местным финляндским законодательством, которая на тот момент оказалась неразрешимой.

6 (19) июня 1908 г. члены финляндского Сената высказались против данного закона, считая, что российские представительные и исполнительные органы не могут участвовать в финляндском законодательном процессе. В марте 1909 г. сенаторы-конституционалисты подали в отставку. 17 (30) сентября истек срок полномочий членов Хозяйственного департамента финляндского Сената и оставшиеся сенаторы также вышли в отставку. Накал страстей вокруг закона 1908 г. и отставки финляндского Сената ярко демонстрировала периодическая печать. В финляндской печати активно продвигалась мысль о том, что общего законодательства в России и Финляндии быть не может, а общие интересы возможны только в области международных отношений²¹. Российское «Новое время» оценивало эти заявления как «шум и крики неистовствующих сепаратистов»²².

Кризис исполнительных учреждений Великого княжества Финляндского вновь подтолкнул обсуждение вопроса о военном положении. В связи с полной отставкой Сената Столыпин обратился в военное министерство с просьбой отправить в Финляндию дополнительные войска. С этим был согласен Николай II. 26 сентября 1909 г. он телеграфировал Столыпину из Ливадии: «Раз они (сенаторы. – А. Б.) позволяют себе демонстративно уходить – Сенат фактически упраздняется... Безусловно разделяю Ваш взгляд о необходимости указания количества войск в Финляндии. Уполномочиваю Вас переговорить об этом с военным министром и генералом Гезенкампофом на предмет немедленного приведения этой меры в исполнение»²³. Но военное министерство и штаб Петроградского военного округа высказались против, считая, что делать это следует только в случае активных антиправительственных выступлений. Возражал и министр юстиции М.Г. Акимов, считавший, что военное положение не может быть средством управления.

В результате в сентябре 1909 г. царское правительство пошло по пути мирного решения проблемы. Финляндский генерал-губернатор В.А. Бекман предложил назначить новыми сенаторами лиц, находившихся на имперской службе, но имеющих финляндское гражданство, поскольку его наличие было обязательным для чле-

²¹ Обзор печати о Финляндии. СПб., 1911. С. 47, 50.

²² Новое время. 1909. 15 июня.

²³ П.А. Столыпин: Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 345–346.

нов финляндского Сената. Столыпин поддержал Бекмана. 27 сентября в телеграмме императору он писал, что упразднение Сената, как предложил днем ранее Николай II, даст «лишь повод и толчок к забастовке», а «при наличии законного Сената на забастовку теперь не решатся». Также Столыпин составил примерный список будущих сенаторов – адмиралов и генералов, имеющих финляндское гражданство, которые «готовы беспрекословно исполнять все веления Вашего Величества»²⁴.

*Военное положение
как метод управления Финляндией:
крах проекта А.Ф. Зейна*

17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения»²⁵, приводивший административно-правовую систему края в единство с общероссийскими нормами. Он вызвал недовольство финляндских общественно-политических кругов и большинства населения Финляндии. Реакция Сейма на закон 1910 г. убедительно демонстрировала, что возврат к практике административного законодательства, системе взаимных договоренностей невозможен.

Новый финляндский генерал-губернатор А.Ф. Зейн в этой ситуации попытался инициировать обсуждение вопроса о военном положении в Совете министров. Он обратился с просьбой о введении особых правил объявления Финляндии на военном положении. По мнению Зейна, особую опасность представляли отдельные террористические акты на территории княжества. Он ссылаясь на убийство президента Абосского гофгерихта Хирвиканты. Покушение, по мнению Зейна, было прямым следствием политики царского правительства, направленной на усиление представителей «финской» партии в местных учреждениях Княжества в противовес влиянию конституционалистов и радикальных младофинских кругов. Генерал-губернатор считал, что только угроза военного положения может предотвратить новые покушения и защитить лиц, готовых занимать местные административные посты. В противном случае, писал Зейн, «отнимется у правительственной власти и эта, хотя и слабая, но все же необходимая ей опора»²⁶. Совет министров

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1910. Т. 30. № 33 795. С. 790–791.

²⁶ ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

рассмотрел вопрос 14 октября 1911 г. и не поддержал Зейна. Было отмечено, что «несравненно более полезным в смысле усиления государственной власти в крае явилось бы постепенное пополнение местного административного и полицейского персонала надежными русскими служащими»²⁷. Поэтому решено «признать предположение финляндского генерал-губернатора о предрешении вопроса об объявлении Финляндии на военном положении при первом новом террористическом посягательстве на жизнь должностного лица или военнослужащего... несвоевременным»²⁸. Члены Совета министров считали, что военное положение может вводиться только в случае массовых беспорядков и не является средством борьбы с отдельными политическими убийствами. Позиция Совета министров отражала взгляды нового премьер-министра В.Н. Коковцова, признававшего сложность и важность финляндской проблемы, с одной стороны, и считавшего необходимым отказ от резких политических решений – с другой.

Заключение

Анализ неоднократных попыток введения военного положения в Великом княжестве Финляндском во время и после первой русской революции демонстрирует отношение правящих верхов к ситуации в Финляндии и поиск вариантов ее решения. Наиболее примечательным здесь является то, что российская сторона постоянно стремилась к переговорам и пыталась избегать крайних мер. Имеющиеся документы свидетельствуют о трудностях переговорного процесса российской и финляндской сторон, которые в значительной степени были вызваны стремлением обеспечить собственные интересы, а не достичь соглашения. Российская сторона исходила из необходимости стабилизации политической ситуации и укрепления административно-правового единства государства, финляндская – всячески ограждала свой автономный статус, нередко в ущерб имперским интересам. Позиции императора и отдельных должностных лиц при решении этой проблемы показывают, что наиболее взвешенную позицию занимали отдельные министры, реально оценивая возможные последствия крайних мер. Николай II нередко проявлял склонность к жестким решениям, но под влиянием отдельных министров и Столыпина был готов от них

²⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1911 г. М.: РОССПЭН, 2002. С. 402.

²⁸ Там же.

отказаться. Наибольшей гибкостью отличалась позиция Столыпина, который талантливо лавировал между сторонниками различных мнений, предпочитая в итоге компромиссные решения. Дискуссии о введении военного положения в Финляндии в преддверии Первой мировой войны, несомненно, указывали на сложность финляндской проблемы, которую так и не удалось урегулировать, хотя вплоть до 1917 г. удавалось избежать крайних мер, к числу которых относилось введение военного положения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Великое княжество Финляндское в государственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений» № 24-28-01780.

Acknowledgements

The reported study was funded by The Russian Science Foundation, the project “The Grand Duchy of Finland in the government Policy of the Russian Empire. 1894–1914: State interests and the practice of political decision-making” no. 24-28-01780.

Литература

- Бахтурина 2009 – *Бахтурина А.Ю.* Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 59–69.
- Дашков 1980 – *Дашков Ю.Ф.* У истоков добрососедства: Из истории российско-финляндских революционных связей. М.: Прогресс, 1980. 214 с.
- Клинге 2005 – *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб.: Издат. дом «Коло», 2005. 615 с.
- Коронен 1983 – *Коронен М.М.* В.И. Ленин в Финляндии Л.: Лениздат, 1983. 319 с.
- Куяла 2010 – *Куяла А.* Коллизии российско-финляндских отношений: 1904–1917 гг. // Исторический архив. 2010. № 4. С. 87–121.
- Куяла 2015 – *Куяла А.* Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 17: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 198–212.
- Мусаев 2004 – *Мусаев В.И.* Великое Княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 282–290.

- Юссила, Хентиля, Невакиви 2010 – Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии: 1809–2009 / Пер. с фин. М.: Весь мир. 2010. 472 с.
- Luntinen 1997 – Luntinen P. The Imperial Russian army and navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997. 400 p.

References

- Bakhturina, A.Yu. (2009), “The Russian revolutionary movement and the Grand Duchy of Finland (1905–1908)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Scientific History. History of Russia” Series*, no. 17, pp. 59–69.
- Dashkov, Yu.F. (1980), *U istokov dobrososedstva. Iz istorii rossiisko-finlyandskikh revolyutsionnykh svyazei*. [At the origins of good neighborliness. From the history of Russian-Finnish revolutionary relations], Moscow, USSR.
- Jussila, O., Hentilä, S. and Nevakivi, J. (2009), *Politicheskaya istoriya Finlyandii: 1809 – 2009* [Suomen poliittinen historia, 1809–2009], Helsinki, Finland.
- Klinge, M. (2005), *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland], Saint Petersburg, Russia.
- Koronen, M.M. (1983), *V.I. Lenin v Finlyandii* [V.I. Lenin in Finland], Leningrad, USSR.
- Kuyala, A. (2010), “Collisions in Russian-Finnish relations. 1904–1917”, *Istoricheskii arkhiv*, no. 4, pp. 87–121.
- Kuyala, A. (2015), “Clashes in Russian-Finnish relations. 1904–1917”, *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii, t. 17: Finlyandiya i Rossiya* [Russian collection. Studies on the history of Russia, vol. 17: Finland and Russia], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 198–212.
- Luntinen, P. (1997), *The Imperial Russian army and navy in Finland. 1808–1918*. Helsinki, Finland.
- Musaev, V.I. (2004), “The Grand Duchy of Finland and the Russian revolutionaries (early 20th century)”, *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 5, pp. 282–290.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Aleksandra Yu. Bakhturina, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; b-a-t13@mail.ru